

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

ДЕРЕВО ДУШ

Елена Арсеньевна Арсеньева

Дерево душ

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56955210

Елена Арсеньева. Большая книга ужасов. 63: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-74226-4

Аннотация

С тех пор как мама пропала, Никита жил словно во сне. Он ходил в школу, ел, спал... но чувствовал себя хуже некуда. Вернее, ему казалось, что некуда. Но однажды в его дверь позвонило чудовище. Меняющий обличья монстр. И мир из простого и понятного в один миг стал загадочным и странным. Оказалось, персонажи мифов и сказок существуют на самом деле. Ведь спас Никиту самый настоящий домовой. И сделал это не просто так: бабушка-соседушка называет мальчика богатырем и шаманом... и надеется, что тот совершит волшебный подвиг. Правда, по дороге Никиту вполне могут съесть. Но разве у героя есть выбор?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

50

Елена Арсеньева

Дерево душ

*Этого дерева нет ни на земле, ни на небе, оно
существует только в шаманских снах.*

Старинное поверье

© Арсеньева Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Никиту разбудил звонок.

Машинально пошарил рядом, сначала пытаюсь прихлопнуть будильник, потом – выключить мобильник.

Наконец дошло, что напрасно старается: звонили-то в дверь.

Дернул за цепочку бра.

Вспыхнул свет.

Как всегда, прежде всего Никита увидел мамино лицо, смотревшее на него с фотографии. И сонно улыбнулся в ответ на мамину улыбку.

Звонок раздался снова.

Что такое? Может быть, это папа?

Да нет, он должен прийти с работы только утром, а сейчас вон какая темнотища за окном!

К тому же у отца есть ключ.

Может, он его забыл?

Хотя папа никогда ничего не забывает...

На часах половина первого. Наверное, кто-то из соседей по ошибке позвонил не в свою квартиру.

Ну, тогда можно спать дальше. Сейчас этот человек спохватится и пойдет к своей двери.

А вдруг что-то случилось в подъезде? Вдруг пожар, утечка газа – и добрые люди хотят предупредить Никиту об опасности?

Он встал с дивана – и покачал головой, сам себя ругая. Заснул-то не в постели, не переодевшись на ночь! Как был в джинсах, футболке и толстовке от спортивного костюма, так и скорчился под пледом. А около дивана валяются кроссовки.

По идее, здесь должны валяться тапки, а кроссовкам место вообще в прихожей!

Да, будет лучше, если это в самом деле не папа пришел. А то задаст он перцу сыночку, который спит в одежде и шляется по дому в уличной обуви!

Никита сунул ноги в кроссовки, ломая задники, что, конечно, строго запрещалось делать, и, немножко дрожа от сонного озноба, потащился к входной двери.

– Кто там?

Нет ответа.

Посмотрел в глазок.

Лестничная площадка пуста...

Очень странно. Чьи-то ночные шутки? Или это и впрямь был заблудившийся сосед, который понял, что ошибся, и уже

ушел к своей двери?

Ну, ушел так ушел!

Никита, позевывая, побрел обратно в свою комнату. По пути свернул на кухню и взял со стола большую кружку с водой.

Глотнул, сонно глядя в окно.

Напротив тянулся Амурский бульвар. Справа, на перекрестке с улицей Запарина, светофор перебирал огни, но зря старался: ни одной машины. И совершенно безлюдно.

Хотя нет – вот какой-то человек выбежал из-за угла дома и замер, оглядываясь, под фонарем. Длинная тень заметалась на тротуаре.

Странная какая тень! Без головы.

Человек с головой – а тень без.

Да ну, чепуха! Так не бывает.

В эту минуту где-то вдали раздался вой сирены.

Человек бросился через дорогу. Тень, конечно, метнулась за ним, размазалась по тротуару. И человек, и тень скрылись где-то во дворах.

«Может, беглый преступник? – встревоженно подумал Никита – Может, папе позвонить? Хотя что я скажу? Какой-то человек, у которого тень была без головы, дорогу перебежал? Да папа меня засмеет. И правильно сделает!»

Вдруг большая черная птица, похожая на ворону, мелькнула перед окном и даже задела стекло крылом!

Послышался противный скрип.

Никита отпрянул, передернулся.

Чего это птицы разлетались?! Им вроде давно пора отправиться на юг, в теплые края.

Хотя вороны вроде не улетают ни в какие такие края...

Или улетают?

Снова раздался звонок.

Никита так и подскочил!

Вернулся в прихожую, заглянул в глазок.

На площадке – никого. А звонок звенит.

Может, Валерка Пушкарев из пятого подъезда дурью мается? Он как-то рассказывал, что иногда заводит под кнопку звонка какую-то проволочку, что ли, и она то касается контакта, то нет.

Касается – раздается звонок. Не касается – нет.

Валерка называл эту штуку антисоседским изобретением века. С его помощью он намеревался мстить всяким вредным теткам и дядькам, которые жалуются его родителям: мол, Валерка иногда ленится выгуливать своего бультерьера Гада и позволяет ему присаживаться на коврики под чужими дверями. На самом деле буля зовут Гадор – в честь какого-то города в Испании, что ли, – но за исключительно мерзкий характер все называют его Гад.

Никита подозревал, что Валерка среди соседей тоже скоро заслужит такую же кличку!

А может, уже заслужил.

Никита не слишком внимательно слушал Валеркины рос-

сказки про «изобретение века», поэтому не уразумел, как оно работает. Но если бы Валеркин отец узнал, что его сынуля почему-то решил поиздеваться над дверным звонком подполковника полиции Зеленина, этому сынуле не поздоровилось бы.

И даже очень!

Однако подполковник Зеленин сейчас на службе. И если Никита хочет еще поспать, ему все же придется сначала посмотреть, что там Валерка нахимичил, и вытащить его хитрое приспособление из-под кнопки звонка.

А для этого все же придется открыть дверь...

Никита уже положил руку на замок, но вспомнил строжайший запрет отца: незнакомым людям дверь не открывать ни днем, ни тем более ночью! Никогда и ни под каким предлогом!

– Ты знаешь, где я работаю, – говорил отец. – Ты знаешь, что у меня есть враги. Они ищут мои уязвимые места. И теперь, когда не стало нашей мамы, мое главное уязвимое место – ты. Пожалуйста, Никитка, береги себя. Если я еще и тебя потеряю, я умру. Точно. Поэтому будь осторожен!

Никита убрал руку с замка и пошел было к себе в комнату, но снова раздался звонок.

– Да нету никого на площадке! – сердито сказал Никита. Не себе сказал, а воображаемому папе.

– И ничего со мной не случится, если я открою. Я только посмотрю, что там Валерка под кнопку подсунул. И все!

Честное слово! Спать же невозможно, а я завтра хотел встать пораньше, чтобы историю повторить и французский!

Почему надо завтра вставать пораньше, чтобы повторить историю и французский, почему это не было сделано вечером, Никита объяснять не стал. Зачем папе – даже воображаемому! – знать, что сын разленился, расхандрился и весь вечер просидел на диване просто так, бездельничая и уныло глядя в окно, за которым ветер обрывал желтую листву с берез во дворе и уносил ее куда-то в октябрьскую темноту? А иногда он поворачивал голову и смотрел на мамину фотографию, которая висела на стенке.

Сбоку на фотографии была надпись: «Моя любовь навеки с тобой, Улэкэн!»

Маму звали Улэкэн, что значило – хорошенькая. Она и правда была очень хорошенькая. Нет, настоящая красавица!

Никитина мама была нанайка, поэтому и носила такое странное имя. Ее предки издревле жили на берегах Амура – задолго до тех времен, когда в эти места пришли русские. Не зря нанайцев называют коренной народностью Приамурья.

Все знакомые называли маму на русский лад Юлей или Юлией Сергеевной, хотя на самом деле Никитинога деда звали не Сергеем, а Сурэ. Но отец Никиты, хоть он тоже русский, называл жену только Улэкэн.

Эта фотография висела в комнате Никиты сколько он себя помнил. Он там еще совсем младенец, вообще грудной. Лежит себе в маленькой кроватке – этаким смешной, туго

запеленатый червячок, а мама, веселая и необычайно красивая, наклоняется над ним так низко, что ее длинные черные косы лежат рядом с Никитой. Мамины узкие черные глаза смеются, а в руке у нее – маленький бубен.

Это был не простой бубен. Мама сделала его из Никитиной рубашки.

Из той, в которой он родился.

Иногда про какого-то человека говорят: он, мол, родился в рубашке. Вот и Никита так родился.

Само собой, это была не ситцевая или там шелковая рубашка! Это просто как бы пузырь, в котором младенец до рождения лежит в материнском животе. Потом пузырь лопаётся, младенец из него выбирается – и появляется на свет. Но некоторые рождаются прямо в пузыре, который почему-то не лопается... И им очень везет, если они при этом умудряются не задохнуться.

Наверное, именно поэтому считается, что в этой рубашке рождаются особые везунчики и любимчики судьбы. Но Никита на собственном примере может сказать, что это полная ерунда. Иначе разве он остался бы без мамы?!

Но она, между прочим, очень обрадовалась, что сын родился в рубашке. И поступила так, как поступают в этом случае все нанайские матери. Этот лоскут кожи Улэкэн натянула на пальцы, сделав маленький бубен, а потом повесила его над кроватью Никиты.

Конечно, этому крошечному бубну было очень далеко до

больших, настоящих, увешанных бубенцами бубнов-унгчу-хунов, которыми нанайские шаманы – так у них называются колдуны – отгоняют злых духов и приманивают добрых! Но все же мама иногда снимала бубен со стены и тихонько стучала в него одним пальцем.

На счастье.

Чтобы напомнить духам: вот есть такой мальчишка – Никита Зеленин, Никита Бочон.

Так его фамилия звучала по-нанайски.

Конечно, Никита не помнил, как мама стучала в бубен: знал об этом только по рассказам.

А потом бубен куда-то исчез. Нет, его не украли, он не потерялся – мама зарыла его в землю, как водится у нанайцев.

Никита не знал, где зарыт бубен. Об этом даже папа не знал. Это была мамина тайна.

Так что вспомнить о существовании бубна можно было, только поглядев на ту фотографию, которая висела в Никитиной комнате и на которой мама была еще живой, еще не покинула сына.

На ту самую фотографию, где сбоку шла надпись: «Моя любовь навеки с тобой, Улэкэн!»

Те же самые слова написали на могильной плите...

Когда папа видел, что Никита сидел, уставившись на эту фотографию, он очень огорчился. Поэтому Никита делал это, только когда оставался дома один. Поглядывал то на мамину улыбку, то во двор, словно ждал: вот-вот из-за угла

выйдет маленькая, тоненькая и необычайно красивая женщина с длинными черными косами и поднимет глаза к окну третьего этажа, откуда на нее смотрит сын.

Смотрит и ждет.

Всегда.

Каждый день!

Каждую минуту!

Уже целый год...

Вот по этой причине и надо было завтра утром повторять историю и французский. А значит, надо было выспаться. А значит, надо было, чтобы звонок перестал мешать. А значит...

Никита полязгал многочисленными замками и приотворил дверь. Осторожно высунул нос... и в образовавшуюся щель немедленно порскнуло что-то серое, пушистое, довольно толстое.

Порскнуло – и прошмыгнуло через прихожую в коридор, ведущий на кухню.

– Вот привет, – растерянно сказал Никита. – Кошка! Это она, что ли, звонила?!

Представить себе кошку, которая нажимала бы на кнопку звонка, не мог даже он со своим чрезмерно буйным воображением.

Так говорили мама, бабушка, папа, школьные учителя... Никита довольно-таки здорово злился, когда про это слышал.

Воображаешь – значит, выдумываешь, так? А он не выдумывал! Он и правда видел то, что видел!

К примеру, он иногда видел двух человек вместо одного. Нет, у него не двоилось в глазах! Потому что, когда двоится, видишь двух одинаковых людей. А Никита видел разных. Вернее, это был один и тот же человек, но как бы в разном настроении. Одно лицо у него могло быть веселым, а другое – грустным. Или одно добрым, а другое – злым. Или человек вообще мог пытаться идти в разные стороны...

Всякое бывало! Вот, к примеру, буквально только что он увидел тень без головы...

Тень без головы увидел, а в звонке совершенно ничего, никаких приспособлений, ни хитрых, ни примитивных, не обнаружил, как тщательно ни смотрел.

Получалось что? Или он их просто не заметил, или кошка все-таки сама...

Ну, это уж полная ерунда!

Никита пошел на кухню.

Честно говоря, он был даже рад, что в квартиру забежала кошка, и вовсе не собирался ее выгонять. Ему давно хотелось завести кошку или собаку. Но собаке будет, конечно, скучно: Никита целый день в школе, отец сутками на работе. А кошка может целый день спать, а вечером встречать хозяев у двери.

Это же здорово: вот Никита возвращается из школы, а она мчится в прихожую, мяукает радостно, подставляет голову

под его руку, чтобы погладил, потом бежит на кухню, призывно оглядываясь, и он ее кормит... А ночью кошка забирается на Никитину кровать и устраивается у него в ногах. Или под боком. И мурлычет, пока не уснет.

«В холодильнике есть молоко и колбаса, – вспомнил Никита. – Для молока надо сегодня найти какое-нибудь ненужное блюдечко, а завтра можно попросить у папы денег и купить такие красивенькие тарелки. Пластиковые. Одну для воды, другую для еды. И еще туалетный лоток. И кошачий корм. И травку пророщенную, чтоб стояла на подоконнике, а кошка ее ела...»

На кухне кошки не оказалось.

– Кис-кис! – сказал Никита. – Кис-кис-кис!

Кошка не шла.

Никита немного подождал. Потом прошел, киская, по комнатам.

Заглянул за диваны, под столы.

Кошки нигде не было.

Куда ж она пропала?!

Никита вернулся на кухню – и чуть не упал.

На табурете у стола сидел какой-то старик.

Никита оглянулся – дверь-то на площадку он оставил открытой! Заходи кто хочешь. Вот кто хочешь и вошел...

«Я гонялся за кошкой, а этот дед *проник в чужую квартиру*, – подумал Никита словами, которые довольно часто слышал от отца и его друзей-сослуживцев. Они даже дома

разговаривали в основном о работе. – Дед проник в чужую, в смысле в нашу, квартиру, а кошка тем временем убежала».

– Потерял чего, хозяин молодой? – уютно усмехаясь, спросил старик.

Он был весь какой-то серый, точнее сивый, будто бы покрытый пылью, в замусоленной рубашке в мелкий горошек. Седая борода, седые нависшие брови, смешные усы... И яркие, веселые серые глаза.

Старик обхватил себя руками и попросил:

– Растопи печурку, сделай милость, а? Я гораздо озяб в сенях-то. Шибко уж они просторные, небось и не натопишь их!

Обалдевший Никита послушно взял спички и зажег одну из газовых горелок.

Незванный гость осторожно протянул к ней ладони, поросшие белым волосом, и похвалил:

– Хороший у тебя костерок! Беда, маленький, да ладно, спасибо и на том.

– Здравствуйте, – наконец вымолвил Никита, растерянно вертя спичечный коробок. – Вы... кто?

– А суседка я, – пояснил гость. – Дедушка-суседушка.

– Вон что! – облегченно сказал Никита. – Сосед! Вы, наверное, в наш дом недавно переехали, потому я вас ни разу и не видел. Вы с какого этажа? Из какой квартиры?

– Я суседка-то не твой, милочек. Не твой... – Глаза старика смотрели из белых зарослей оценивающе: – Это ты, зна-

чит, и есть мэрген, да еще и шаман? По виду и не скажешь. Хлипкок больно. Иль потайное оружие скрываешь?

Кто такой мэрген, Никита отлично знал. По-нанайски это значит – «богатырь». Одна из самых любимых его сказок так и называлась: «Мэрген и его друзья». Мама ее сто раз ему читала, да и сам он тоже читал.

Слово «шаман» тоже было хорошо знакомым.

Но почему дед этот называет и мэргеном, и шаманом его, Никиту Зеленина? Смеется, что ли?

Нашел богатыря! Нашел колдуна!

Вообще дед очень странный. Говорит, что он сосед, но при этом – не Никитин сосед.

Чей же тогда?

И с чего он вдруг зашел в чужую квартиру?

А кошка-то! Где вообще кошка-то?!

Никита вдруг ощутил, что в кухне вкусно пахнет свежим, только что скошенным сеном.

Ох, какой же расчудесный запах!..

Обычно вот так расчудесно пахнет летом, когда косят траву на газонах.

Никита невольно глянул на окно: форточка закрыта, ну и все-таки октябрь сейчас – какое может быть свежее сено? Да еще на кухне!

– Почему я мэрген? – спросил он, отчего-то выбрав из десятка вопросов, мельтешивших в голове, именно этот.

– Вот я и говорю, слабоват на вид, – покачал головой дед-

сосед, вернее дед-не-сосед. – Однако дзё комо не должен был ошибиться...

«Какой еще дзё комо?» – удивился Никита.

Вдруг темная тень мелькнула перед окном – птица снова чиркнула крылом по окну. Раздался противный такой скрип, у Никиты аж челюсти свело! А дед просто подскочил на табурете! Его глаза даже потускнели от ужаса!

– Ты дверку-то прикрыл, милоч? – спросил он охрипшим голосом.

– Ой, нет! – спохватился Никита и, зачем-то сунув коробок в карман, понесся в прихожую.

Мигом запер все замки и только-только щелкнул последней защелкой, как в дверь снова позвонили!

«Так, – догадался Никита, – все же Валерка гениальный изобретатель. Дверь откроешь – все в порядке, звонок не звонит. Только закроешь – он опять начинает нервы мотать. И, главное, на площадке никого нет!»

Совершенно машинально он глянул в глазок – просто чтобы убедиться: за дверью – никого. Однако чуть не рухнул где стоял, увидав на площадке того же самого старика, который вроде бы должен сидеть на кухне и греть ладошки над газовой горелкой!

Вот – сивенький весь и седенький, белесая бороденка, рубашонка в мелкий горошек.

Как же он умудрился выскочить из квартиры?!

«А может, мне это снится?» – призадумался Никита.

– Впусти меня, милоч, – простонал старик. – Обогрей! Шибко здесь холодно, в твоих сенях!

Никита поморгал-поморгал, потом, ни слова не говоря, пошел на кухню.

На лавке по-прежнему сидел давешний старикан и вытаращенными глазами смотрел на дверь.

– Это он? – прошептал, кивком указывая в сторону прихожей, а значит, и входной двери.

Никита кивнул, мигом поняв, кого дед имеет в виду.

– Ну и каков он нынче из себя, ирод этот? – стонущим шепотом спросил гость.

– Один в один вы, – сказал чистую правду Никита.

– Вот же сила нечистая! – пробурчал дед сердито. – Ни стыда у него, ни совести!

Звонок заставил его снова подскочить. Гнев с лица сошел, теперь оно опять стало испуганным.

– Не открывай! – простонал дедок. – Нипочем! Иначе нам обоим карачун настанет!

– А там кто? – спросил Никита, которого все происходящее не только не слишком пугало, но даже почти не удивляло.

«Все-таки это сон, – успокоил он себя. – А во сне чего только не насмотришься!»

– Он – ну, тот, который за дверью, – почему на вас так похож? – допытывался Никита. – Вы с ним братья-близнецы? Или, может, двойняшки?

Тут он едва не расхохотался, потому что вспомнил ужасно смешной сюжетик из одного старого-престарого «Ералаша». Этот сюжет еще папа в детстве смотрел и тоже над ним хохотал. Там один мальчишка подошел к двум абсолютно похожим малышам с лопатками и спрашивает:

– Вы двойняшки?

– Нет, – отвечают малыши, – мы близнецы.

– Значит, двойняшки! – уверяет мальчишка.

– Нет, близнецы!

– Значит, двойняшки!

И так они еще долго спорили, пока не появился еще один малыш, неотличимый от тех двух, и не сказал:

– Чего пристал? Мы не двойняшки, а тройняшки. Я писать ходил!

Конечно, сейчас Никита смех сдержал. Гость мог решить, что смеются над ним, а над взрослыми смеяться не стоит, даже если очень хочется. Невежливо, а главное, бесполезно для здоровья. Пришлось бы объясняться и извиняться.

А впрочем, дед все равно не оставил Никите времени ни на смех, ни на извинения, ни на объяснения.

– Да что ж ты несешь, мэргенушко, батюшко?! – вскричал он сердито, всплеснув руками. – Брат! Двойник! Вот удумал, а?! Знаешь, кто он такой? Это для нас для всех наиперший враг!

– Для кого «для нас для всех»? – уточнил Никита. – Для нас с вами или в смысле и для России?

Дед посмотрел на него снисходительно:

– Для нас! Для России! Подымай выше, мэрген! Для всего мира подсолнечного!

Тут Никита не удержался и все же хихикнул.

Он-то раньше думал, что подсолнечным бывает только масло... А оказывается, и мир!

– Веселишься? – горько спроси дед. – А вот поди-ка на него еще разок погляди! Думаю, у него уже сила изошла – мою личину на себе держать. Увидишь теперь, каков он на деле! Но только смотри не открывай дверь! Ни за что! Поклянись!

– Да не открою я, – сказал Никита. – Зачем мне?

– Нет, ты поклянись! – не унимался дед. – Поклянись, что ни за что не откроешь! Ни за какие коврижки!

– Чем же клясться? – спросил Никита.

– Чем? – дед призадумался. – Ну, ты просто побожись. Только не стой рядом со мной. В сенцы ближние выйди.

– А почему? – удивился Никита.

– Да что ты все спрос да спрос! – рассердился старик. – Почему, почему! По кочану да по капусте! Иди вон в сенцы да божись! Только на меня при этом не смотри!

Никита вышел в коридор, но не удержался – глянул-таки через плечо. И увидел: дед мало того что под стол залез – еще и табуреткой загородился!

– Не смотри на меня, говорено же! – донеслось до Никиты сердитое шипенье. – Божись давай!

Никита послушно отвернулся и пробормотал, уставившись в стенку:

– Ей-богу, никому не открою дверь!

– Побожился? – донесся сдавленный голос.

– Все в порядке, – отозвался Никита и отправился к дверям, от которых несся очередной звонок.

Между прочим, бабушка-соседка совершенно напрасно заставлял Никиту божиться. Потому что не только за какие-то там коврижки, но и вообще за все сокровища мира он не открыл бы двери тому кошмару, которого разглядел в глазок!

От облика прежнего маленького, добродушного дедули ничего не осталось. Косматый, желтолицый, морщинистый, огромный старик маячил за дверью! Одет он был в бесформенный черно-серый (такое ощущение, что изрядно подернутый плесенью!) балахон, а на шее висели какие-то погрешки типа древесных корешков и просверленных камушков.

Его узкие черные глаза, чудилось, прожигали дверь насквозь. Из кособубого рта вырывалось не то рычание, не то шипение:

– Впусти меня! Приюти! Обогрей! Сил нет! Сейчас упаду да помру! Слабый я! Старый! Смилуйся!

Если бы Никита решил задавать вопросы, так сказать, по теме, первый был бы такой: раз вы, бабушка, такой старый и слабый, как говорите, отчего не постучали в какую-нибудь

дверь на первом этаже, а поперлись аж на пятый, вдобавок без лифта? А во вторую очередь Никита спросил бы: кто ж просит о помощи таким злобным, угрожающим голосом?!

Впрочем, ни вопросы задавать, ни в какие-то разговоры пускаться с этим ужасным стариканом Никита не стал. Он просто повернулся – и дал деру прочь от двери.

Стало страшно! И даже не жуткая морда, которую он увидел в глазок, напугала Никиту, а то, что на площадке находился еще кто-то, кроме черного старика. Этот неизвестный то ли за спиной старика прятался, то ли вообще внутри него сидел!

Как это могло быть?! Никита не знал...

И еще... На площадке металась и плясала тень старика. Эта тень была без головы!

Что, опять показалось? Не много ли нынче кажется?!

Вбежал в кухню. Дедка-суседка так к нему и бросился:

– Ну что? Видел? Каков он?

– Ужас... – еле смог пошевелить губами Никита.

– Вот! – зачем-то погрозил ему пальцем дедок. – А я что говорил! А ты божиться не хотел!

– Он кто такой, этот?.. – Никита помахал руками вокруг головы, изображая косматые волосы.

– Сам толком не ведаю, – вздохнул дед. – Знаю лишь, что нечисть злая, могучая! Я и сам, известное дело, нечистик, но мои проказы с евонными и равнять нельзя.

– Вы нечистик? – озадаченно нахмурился Никита. – В ка-

ком смысле?

– Говорено же тебе – суседка! Дедушка-суседушка! – повторил старик. – Неужто не понимаешь?

Никита поднял было плечи – пожать ими, – да так и остался стоять в этой позе, потому что грохот, раздавшийся из прихожей, заставил его окаменеть от ужаса.

Стучали в дверь. Нет, стучали – это не то слово!

В нее колотили так, словно хотели вышибить из косяка! Ломились яростно, и диву можно было даваться, что никто из Никитиных соседей не выскочил на площадку и не накричал на нарушителя ночного спокойствия.

Не исключено, что кто-нибудь все же высовывался. Но увидел эту жуткое существо – и счел за лучшее убраться в свою квартиру и запереться на все замки.

Конечно, могли бы в полицию позвонить или в МЧС...

А может, позвонили – и сейчас примчится наша кавалерия?

Как бы она не опоздала. Дом, честное же слово, вот-вот развалится!

– Чего ж это я стою колом? – вдруг спохватился дед. – Пора спасаться! Не то костей не соберем! Пойдут клочки по закоулочкам!

Он пошарил по карманам своих потертых штанов, попрыгал, потряс руками – и вдруг отовсюду на пол посыпалось сено. Похоже было, что перед тем, как наведаться к Никите, этот дедушка-соседушка долго лежал на каком-то там сено-

вале, вот сухая пахучая трава и набралась ему в карманы, в рукава, за пазуху и даже – Никита не поверил глазам, когда понял, во что был обут его ночной гость! – в лапти.

Потом старик проворно собрал сено – до последней травиночки! – закрутил его в тугий пучок, подсунул к горячей газовой горелке – и с этим маленьким факелом в руках со всех ног кинулся в прихожую.

Никита – за ним.

Честно говоря, он решил, что дедок сейчас бросится сражаться с этим ужасником, который колотил в дверь. Типа, огнем пугать его будет. Хотя сначала понадобилось бы отпереть все замки и засовы, на которые дверь была заперта. А это, честно говоря, легче было сказать, чем сделать!

Однако дедка и в мыслях не держал кидаться в драку. Он подскочил к двери и принялся обводить ее горящим пучком сена. И над полом проводил дымную полосу, и под потолком, подпрыгивая при этом так высоко, словно был не древненьким старичком, а каким-нибудь резиновым мячиком с повышенной прыгучестью.

Никита стоял разинув рот и изумленно замечал, что стук в дверь становится все слабее и слабее, а потом и вовсе тишина наступила. В этой тишине вдруг раздался какой-то свистяще-шелестящий звук, как будто что-то пролетело по лестничной площадке – да и унеслось на нижние этажи. А потом Никита расслышал, как внизу грохнула дверь подъезда.

Дед облегченно вздохнул, смахнул пот со лба и сунул тле-

ющий жгут сена в карман штанов.

Никита аж ахнул – дырку ведь прожжет! – но ничего такого не случилось.

Это было удивительно, как, впрочем, и все, что здесь происходило.

Но, честно говоря, Никита не очень-то активно удивился. Спать вдруг захотелось ужасно! Ну просто хоть падай прямо на пол в прихожей!

Только как с этим дедом-соседом-не-соседом быть? Хорошо бы ему повежливей намекнуть, что ночь не лучшее время по гостям ходить...

– Пора двигать отсюда, покуда эта тварюга не надумала возвратиться, – проворчал дедок себе под нос и оценивающе оглядел Никиту: – Ну что, мэргенушко-шаманушко? Обувка у тебя крепкая? Ты кожушок какой-нито накинь да треухом не забудь головушку накрыть. Небось не лето на дворе!

– А зачем мне одеваться? – спросил Никита, так страшно зевая при этом, что сам ни слова из того, что сказал, не понял.

А вот незванный гость, как ни странно, все отлично понял! И ответил:

– Затем, что пора нам в путь, мэргенушко!

После этих слов старик подскочил к Никите – и вдруг мягко прикрыл ему лицо своей морщинистой волосатой ладонью.

– В дальний путь пора, шаманушко! – успел еще услышать

Никита – и задохнулся от резкого запаха сена.

* * *

– Гаки, намбчи горо! Гиагда горо, чадоа!..

Никите снилась песня. Снился женский голос – сизый, прохладный, плавно переливающийся, как амурская волна ясным осенним днем. Голос то блуждал в тайге, то взмывал к вершинам синих сопок¹, то исчезал на дне реки, то снова появлялся, качаясь на волнах.

Голос был знакомый. Никита знал, что слышал его раньше! Он вырос под этот поющий голос! Вырос под мамины песни! И под эту песню! Человек говорит: «Ворон, до моря далеко!» – а тот смеется: «Пешком далеко, а я уже там!»

Никита знал, что нельзя просыпаться, ведь мамин голос утихнет! – но ничего не смог с собой поделаться – и проснулся.

Однако родной голос по-прежнему выпевал:

– Гаки, намбчи горо! Гиагда горо, чадоа!..

Никита открыл глаза и увидел над собой низкий бревенчатый потолок.

Что еще такое?!

Суматошно огляделся.

Тут не только потолок бревенчатый! Кругом такие же стены с аккуратно проконопаченными пазами. В одной стене

---

¹ Сопками на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири называют небольшие горы, холмы. – *Здесь и далее прим. автора.*

вырублено небольшое окошечко, в нем пыльное, мутное, треснутое стекло.

Над дверью прибита медвежья лапа с пятью растопыренными когтями.

Никита приподнялся и обнаружил, что полулежит на низкой деревянной лавке. Она была застелена звериными шкурами, вытертыми до пролысин. На них Никита и лежал – одетый, даже в куртке и лыжной вязаной шапке, обутый в незашнурованные кроссовки.

А мама где?!

Никита соскочил с лавки и, путаясь в шнурках, выбежал, сильно толкнув тяжелую разбухшую дверь, на крыльцо.

Призрачно синели дальние сопки, многоцветно сияла под солнцем осенняя тайга, а чуть ниже, под небольшим крутояром, весело скакала по камням прозрачная узенькая, но бурливая речка, вода которой струилась и переливалась под солнцем.

На другом берегу стояла мама. На ней была клетчатая рубашка и джинсы, заправленные в сапоги до колен. Длинная коса переброшена на грудь.

Мама поигрывала ее распушившимся концом и смотрела на Никиту.

Он ясно видел ее лицо: смуглое, круглое, с маленьким улыбчивым ртом, с тонкими, поднятыми к вискам бровями, с длинными узкими глазами, которые сияли такой нежностью, что Никита чуть не заплакал.

Как давно он ее не видел! Как соскучился по ней!

Почему все говорили, что мама умерла? Она живая! Вот она!

Никита спрыгнул к речке, перебежал ее по камешкам, схватил маму за руки, заглянул в ее глаза...

И тут вдруг настал миг какого-то помрачения, после чего Никита вновь обнаружил себя на крыльце избушки. Стоял, уткнувшись в пахнущую сырой древесиной дверь.

Оглянулся – мама медленно поднималась на сопку, словно бы таяла в сумраке тайги.

Никита бросился вдогонку. Снова спрыгнул на берег, снова перескочил через речку, но поздно – вокруг сгустились таежные тени, сквозь которые ничего не разглядишь.

Где мама? Куда скрылась?!

Никита бросился было в тайгу, как вдруг раздался хриплый голос:

– Погоди, мэрген. В тайге беда. Заблудишься – пропадешь. Не ходи в тайгу. Иди сюда. К нам иди.

Никита повернул голову.

На взгорке, на противоположном берегу речушки, стояли старые-престарые дома – обветшалые, перекошенные от времени и непогоды.

Видимо, раньше здесь была деревушка. Но теперь от улиц не осталось и следа. И улицы, и огороды сплошь заросли сорняками, да так, что напоминали джунгли. Заборы где обрушились, где еще держались на честном слове. Некоторые

крыши были подняты деревьями, проросшими сквозь дома.

Только одна избушка выглядела пристойно. Перед ней простиралась выкошенная лужайка на самом краю берега. На лужайке были сложены старые, потемневшие от дождей и времени бревна.

Вот на этих-то бревнах сидели два старика и приглашающе махали Никите.

Он побрел к ним, иногда оглядываясь на лес.

Перешел речку, поднялся на взгорок, усталился на стариков, пробормотав неуклюжее «здрате» непослушными, дрожащими губами.

Один старик был худощавый, круглолицый, с редкими седыми волосами, собранными в косицу. Смуглое, будто бы прокопченное лицо изрезано множеством морщин. Тяжелые веки почти прикрывали узкие глаза. Это был, конечно, нанаец, старый нанаец, одетый в засаленный халат мутного, неразличимого цвета и обутый в поношенные торбаса².

– Бачигоапу, лоча мэрген, – сказал он скрипучим голосом.

Эти слова Никита знал. По-нанайски это значит – здравствуй, русский богатырь.

– Бачигоапу, – ответил он с трудом, потому что в горле першило.

– Ветер сильный, да? – спросил старик. – Слезу вышиба-

---

² Торбаса – обувь народов Сибири, Дальнего Востока, Севера: сапоги или полусапожки, сшитые мехом наружу. На лето их шьют из выделанной кожи. Более теплые называются унты.

ет?

Никита торопливо вытер глаза.

Не было никакого ветра. При чем тут вообще ветер...

– Беда, какой ветрило! – подхватил другой старик, на которого Никита в первую минуту не обратил внимания. А теперь взглянул на него – и ахнул, потому что это был тот самый дедка-суседка, пахнувший свежим сеном, который миновавшей ночью наведывался в Никитину кухню, а потом прогонял ужасного гостя... Этот гость чуть дом по камешку не разнес!

И тотчас Никита вспомнил мягкую ладонь, прижатую к своему лицу, усыпляющий запах сена...

– Чудится мне, что ли? – пробормотал Никита.

– Прежде больше чудилось, – отозвался дедка. – Народ был православный, вот сатана-то и сомущал!

– Сатана?!

– Ну, сила нечистая. Мы-то вон кто? Нечисть, нежить – одно слово!

– Вы?! – невежливо ткнул пальцем Никита.

– Агаюшки, ага, – закивал тот. – Забыл? Я ж тебе говорил: мол, нечистик я. И он такой же, дзё комо. Слышь-ко, дзё комо, – обратился он к узкоглазому старичку, – наш-то мэрген ничегошеньки не понимает, а?

– Не понимает, однако, – согласился тот уныло.

– Неужто мы с тобой промашку дали? – всплеснул руками дедка.

– Дали, однако, – вздохнул второй старик.

– О чем вы тут говорите? – не выдержал Никита. – Где моя мама? Как я сюда попал? Что это за место?

– Деревенька, вишь ты, стояла здесь в старину. – Дедка повел вокруг рукой. – Деревеньку Завитинкой называли, а речку – Завитой. Прежде шире была, бурливей, а теперь шагом перешагнешь – иссохла. С тоски, может? Жили, да... Скотина велась. Лошадушки... Ах, какие были лошадушки! – чуть ли не простонал он. – Мужики зверя били, шишковали, ягоду брали, грибы. А рыбы-то сколько лавливали! Крепко, хорошо обжились. А потом парни да девки из родных домов в другие края подались. В камнях нынче живут, родительских свычаев и обычаев не чтят. Старики кто к детям уехал, кто помер. Обветшали избешки, развалились. И никто доможила не покличет: «Дедушка домовой, выходи домой!» Брожу я ночами по улочкам опустелым, филинов да нетопырей пугаю кликом-плачем... – И дед залился мелкими слезами, утираюсь рукавом заношенной рубахи.

Никита смотрел на него, вытаращив глаза.

Домовой?! Так вот в каком смысле он называл себя нечистью!

Ну да, всякие там черти, домовые, лешие, водяные, банники и впрямь называются нечистой силой.

Да нет, этого просто не может быть...

Или может?

Наверное, может. Каким-то ведь образом Никита здесь

оказался! Не пешком пришел, не на самолете прилетел. Его определенно перенес дедка.

Дедка-домовой.

Но зачем?!

– Зачем вы меня сюда притащили?! – воскликнул он отчаянно.

Заговорил другой старичок, который назывался дзё комо:

– Давным-давно тут недалеко стойбище³ стояло издавна. Тайга большая, всем места хватает. Дедушка тигр живет, медведь живет – он как человек все равно, – косуля живет, лесные люди тоже. Лоча – русские пришли, и они жить стали. Тайга большая! Хорошо было... Русские на счастье лапу медвежью прибывали, хэдени⁴ – подкову. Все было по-соседски. Ой-ой-ой, давно это было. Дзё комо в каждой юрте жил, в среднем столбе.

– Дзё комо тоже домовой? – перебил Никита.

– Ежели по-нашему, по-русски, – конечно домовой, – кивнул дедка-соседка. – Мы же одним делом с дзё комо занимаемся – жильё человеческое оберегаем.

«Товарищи по работе, – сообразил Никита. – И еще есть такое слово – коллеги... Домовой и дзё комо – коллеги!»

Он непременно засмеялся бы, да вот беда – смеялку заело туго-натуго.

И ничего удивительного!

---

³ Так называется селение коренных народов Дальнего Востока и Сибири.

⁴ Хэдени – то же, что нанайцы.

– Дзё комо – душа дома, душа счастья, – продолжал «коллега» домового. – Комо большой – значит, хозяин его богатый, комо маленький – хозяин бедный.

Никита смерил старичка взглядом.

Дзё комо кивнул:

– Да, мой хозяин не шибко себе богатый был. Однако ничего, хорошо жили. Ой-ой-ой, давно это было! – Голос его задрожал. – Даже тени тех, кто жил здесь когда-то, исчезли. Столбы у вешал для неводов покосились, сгнили... Молодые ушли! Заветы предков забыли! Даже от наследственных шаманских даров отказываются! В каменных стойбищах, как и русские, живут. Тайга им чужая. Раньше как было? Человек в тайге живет – человек тайгу бережет. Теперь человек в тайге не живет – из тайги только забирает. Злой человек стал. Все равно как росомаха! Норовит даже дерево Омиямони погубить!

Никита хотел возмущенно заявить, что все эти истории, конечно, очень интересны, но на его вопросы – как и зачем он сюда попал и где мама – никто и не думает отвечать. Однако не успел ни возмутиться, ни заявить.

Домовой и дзё комо вдруг насторожились, испуганно огляделись. Потом вскочили, поддерживая друг друга.

Дзё комо торопливо проговорил:

– Я камлал, в большой бубен бил, у костра плясал, как шаман все равно. Духи сказали: в каменном стойбище рус-

ский саман-гэен⁵ живет. Он поможет сохранить Омиа-мони от той росомахи, которая к священному дереву нечистые руки тянет...

– Дзё комо, батюшка ты мой! – перебил его домовый голосом, похожим на всполошенный птичий крик. – Идет! Уже близко!

– Бежим! – испуганно закричал дзё комо. – Скорей-скорей!

Старички опрометью кинулись к избушке, однако, к изумлению Никиты, сделав каких-то два шага, бестолково затоптались на месте.

Видно было, что они напрягают все силы, чтобы убежать, но не могут. Лужайка под их ногами была словно намагничена!

– Вот вы где! – раздался громовой голос. – Вот вы где, гнилые рыбы потроха!

Старички аж к земле приклонились от этого крика, а Никита резко обернулся... видно, слишком резко, потому что аж вокруг своей оси повернулся. И еще раз, и еще! Как начал крутиться – так никак не остановится.

Все летело вокруг бесконечным хороводом: лес, избушка, заброшенная деревня, река, снова лес, избушка – и снова, снова то же самое... Аж в голове помутилось и тошнота подкатила к горлу!

Внезапно Никита остановился, зашатался, потом его по-

---

⁵ Саман-гэен – шаман-колдун (*нанайск.*).

вело в сторону – и он повалился на холодную пожухлую траву, хватая ртом воздух и с трудом пытаясь отдышаться.

Ну да, в космонавты его точно никогда не возьмут. С таким вестибулярным аппаратом Никита даже на карусели не катался – тошнило на первом же круге. А тут будто в центрифугу его сунули!

Повернулся вниз лицом, зажмурился, мучительно сглатывая и сдерживая подступающую рвоту. Ничего, вроде полегче стало. Но еще не скоро Никита смог поднять отяжелевшую голову и осмотреться.

Бедные старички-домовые все еще продолжали свой бег на месте! Видно было, что они совсем выбились из сил. Дышали с трудом, то и дело вытирали лбы.

– Ну что? – громко захохотал кто-то. – Ой, как худо? Уморились, помет дохлой птицы, вонючая лягушачья икра? Больше не посмеете меня послушаться?

Бедные старички замотали головами, что-то жалобно лепеча.

До Никиты донеслось:

– Ой-ой-ой! Хозяин горы, Владыка тайги, помилуй нас!

Потом послышались всхлипывания. Домовые – что русский, что нанайский – молили о пощаде. Но кого?

Сколько Никита ни оглядывался, он никого не видел.

– Что, пиктэ? Не понимаешь ничего? – спросил презрительный голос.

И только тут до Никиты дошло, что этот неведомый и

невидимый, которого домовые называют хозяином горы и тайги, говорит по-нанайски! И Никита все понимает!

Мама иногда учила его своему родному языку. Однако за тот год, когда ее не было рядом, Никита почти все забыл. А сейчас понимал каждое слово! Например, он сразу вспомнил, что «пиктэ» означает «малыш, деточка».

Это он – пиктэ!

Довольно-таки оскорбительное обращение к человеку тринадцати лет от роду. Все равно что назвать его глупым младенцем!

Следовало, конечно, ответить чем-то подобным, однако Никита не успел: за спиной что-то вдруг засвистело, словно вихрь пронесся... но это оказался никакой не вихрь, а огромный черный медведь с необычайно ехидной и хитрой, словно у лисы, мордой.

Из-за этого он выглядел как-то особенно жутко и противно!

Вдобавок у него было три горба...

Никита онемел от ужаса и только и мог что пялить глаза на этого зверюгу, который увесисто и тяжело протопал на задних лапах к крыльцу и схватил за шкурку обоих домовых: и русского, и нанайского.

При этом они вдруг непонятным образом уменьшились в размерах. Вот только что были старички как старички, только очень уж странненькие, а теперь – ну будто какие-то куклы!

Потом медведь размахнулся – и швырнул домовых в сторону, да еще и прокричал при этом:

– Бокта-бокта, бонгари-бонгари! Кубарем, вдребезги!

Бедняги исчезли – только жалобный крик донесся откуда-то издалека. А потом медведь воздел лапы, провел ими по своей морде, по туловищу, да с такой силой, словно хотел свою черную шкуру с себя содрать!

Никита аж передернулся от отвращения! Но тут шкура и в самом деле с медведя сползла, а под ней... а под ней оказался тот косматый и желтолицый, морщинистый и огромный старик, которого Никита совсем недавно видел перед своей дверью!

Впрочем, при ближайшем рассмотрении он оказался не таким уж стариком. В черных волосах ни сединки, лицо сморщила злобная гримаса, а не годы. Однако на нем по-прежнему был бесформенный черный балахон, а на шее болтались погремушки из древесных корешков и просверленных камешков. Взгляд этих черных глаз был, как и раньше, жгучим и свирепым, но, странное дело, прежнего ужаса перед ним Никита уже не испытывал.

Может, уже по привычке к этому кошмару? Говорят, что человек ко всему привыкает.

Нет, что-то изменилось в самом незнакомце... а что, Никита пока не понимал. Вроде бы он такой же, как в первый раз... и все-таки немного другой. И дело было вовсе не в том, что теперь через его плечо висел на веревке большой

бубен из темной кожи, расписанный непонятными узорами и украшенный маленькими звериными хвостиками и какими-то побрякушками! Что-то, наоборот, как бы исчезло...

Но Никита не успел понять что.

– Ну, мэрген, – хохотнул кошмарик, – страшно тебе?

Никита только хотел выкрикнуть – мол, нет, ничуть не страшно! – однако незнакомец не дал ему и рта раскрыть.

– А нечего было лезть сюда, если страшно! – рявкнул он. – Тебя на пир звали? Нет. На бой звали? Нет! Собрался Омиа-мони спасать? Но против ветра стрелу пускать – самому по-раниться! Так что поостерегись, если хочешь живым остаться!

С этими словами кошмарик протянул к Никите руку, растопырив темные длинные пальцы с покрытыми смолой ногтями, потом повел рукой вверх – и Никиту приподняло над землей.

Незнакомец щелкнул пальцами – и Никита влетел по воздуху в открытую дверь избушки, где был довольно небрежно брошен на пол. Дверь захлопнулась с такой силой, что медвежья лапа свалилась с притолоки на пол.

Из-за двери раздался презрительный голос:

– Эй, дитятко! Чтоб за порог ни шагу! Сиди и жди, когда чужак за тобой придет. Он тебя домой вернет. Дождешься его – может быть, живой останешься. Сунешься один в тайгу – ветры обвеют твои обглоданные косточки! Понял, что говорю?

К мутному, треснутому стеклу снаружи приникла пугающая рожа, черные глаза словно бы вонзились в глаза Никиты, и грозный голос проревел:

– Понял? Сиди и жди! Не то погибнешь страшной смертью!

И все исчезло.

* * *

Некоторое время Никита тупо сидел на полу и пытался понять, что происходит. Понять никак не получалось – ведь происходило что-то невероятное.

Какой-то круговорот нечистой силы, честное слово! Сначала русский домовый, потом нанайский – этот, как его, дзэ комо, – да еще шаман появился... В том, что этот черный и косматый был шаманом, Никита не сомневался: все-таки он повидал немало книжек с изображениями шаманов у своей мамы, которая занималась нанайской этнографией⁶. И одежда незнакомца об этом говорила, и главное – бубен.

Шаманов без бубнов не бывает, это всем известно. Если видишь бубен – ищи рядом шамана, не ошибешься. Именно с помощью бубнов шаманы общаются со своими сэвенами – духами-покровителями. Сэвены бывают светлыми и темными, то есть добрыми и злыми, ну и шаманы, соответствен-

---

⁶ Этнография – наука, которая изучает особенности быта, нравов, культуры той или иной народности.

но, – белыми и черными.

Вот этот, который здесь только что был, – он, конечно, черный. Это сразу понятно. Как он расправился с беднягами домовыми! Как стращал Никиту!

При одном воспоминании о его злобном взгляде пробирала дрожь и даже думать не хотелось о том, чтобы послушаться угроз и хотя бы нос из избушки высунуть. Конечно, это будет самое разумное: не нарываться на новые неприятности – достаточно и тех, в которые Никиту уже втравили домовые! – и терпеливо дожидаться какого-то там чужака-спасителя.

Наверное, это окажется охотник, который сюда забредет своими таежными тропами. Может быть, у него даже найдется мобильный телефон, с которого Никита позвонит папе и успокоит его: мол, я жив-здоров, правда, не знаю, где нахожусь и что со мной случилось, но в основном все нормально.

Хотя не факт, что здесь, в тайге, ловится сигнал мобильной связи. Может быть, придется ждать, пока спаситель ответит Никиту в какое-нибудь село, и только тогда удастся связаться с отцом.

А вдруг это село окажется далеко? Вдруг еще долго ждать того счастливого момента, когда Никита сможет крикнуть в телефонную трубку: «Папка, это я! Я жив, со мной все в порядке!»

При мысли об отце у Никиты сжалось сердце. Даже думать страшно, как он сейчас волнуется, как переживает! Небось всю полицию на ноги поднял. Особенно если соседи рас-

сказали, какой шум-гром-грохот стоял ночью возле дверей квартиры Зелениных! А потом из-за запертой двери невероятным образом пропал сын полковника полиции...

«А с чего я, интересно, взял, что дверь осталась закрытой? – вдруг подумал Никита. – Может быть, ее открыли изнутри и меня спокойненько вынесли? Может быть, никаких чудес не было, а это самое обыкновенное похищение? И все, что со мной случилось, устроено из-за отца, который вышел на след или даже арестовал какого-нибудь опасного преступника?»

От этой догадки Никите стало полегче. Ведь человеку всегда становится легче, если он находит понятное объяснение непоняткам.

Да конечно! Как он раньше не догадался? Ему морочили голову ряженые! И домовый – никакой не домовый, а ряженный, и дзё комо тоже. Вся эта болтовня про мэргенов и шаманов, про старые деревни и стойбища, а также про какое-то там священное дерево Омиа-мони – всего-навсего густой туман, который похитители напустили, чтобы Никита не смог понять, что с ним происходит, а главное, не смог бы потом толком описать этих злодеев. А на всякий случай его еще и попытались запугать самым страшным образом, напустив на него профессионального экстрасенса, который был переодет шаманом...

Могучий, конечно, экстрасенс! Вон как зашвырнул Никиту в избушку! А уж как медведем-то классно притворялся!

Полковник полиции Дмитрий Васильевич Зеленин не слишком-то посвящал сына в свои рабочие дела, однако Никита все же иногда слышал обрывки его служебных разговоров по телефону или с товарищами и знал: полгода назад полиция искала одного экстрасенса, который наживался на людских бедах. Этот «чудодей» требовал огромные деньги за то, чтобы указать, где находится пропавший человек, или, к примеру, найти вора, которого не может обнаружить полиция, или даже вылечить кого-нибудь от страшной болезни. Доведенные до отчаяния люди были готовы на все! На самом деле это был не экстрасенс, а шарлатан, но он обладал чрезвычайно сильным даром внушения, и его клиенты некоторое время верили в то, что он говорил, а потом оказывалось, что все это были галлюцинации: и возвращение исчезнувшего родственника, и обнаружение преступника, и выздоровление... Времени действия галлюцинации экстрасенсу как раз хватало, чтобы получить деньги – и исчезнуть с ними.

Его искали не только на Дальнем Востоке, но и по всей стране, и наконец арестовали.

Конечно, он был не единственным на свете. Вот по телевизору «Битву экстрасенсов» посмотришь – и покажется, что этих колдунов хоть пруд пруди! Есть такие и среди преступников, конечно...

Вот такие преступники и похитили сына полковника Зеленина, и заточили... заточили...

Заточили?

Никита вскочил с пола и бросился к двери. Толкнул ее и вылетел на крыльцо – так легко она подалась.

Какое же это заточение?! Разве так бывает, чтобы похищенного никто не охранял?

Да он же запросто может сбежать! Хоть на все четыре стороны!

Вот только вопрос: которую из этих четырех сторон выбрать?..

Кругом тайга. И хоть солнце еще довольно ярко светит, оно уже перевалило зенит. Значит, через несколько часов начнет темнеть. И если Никита не успеет к вечеру добраться до людей, ему придется заночевать в тайге.

Страшновато...

Хотя еще здорово повезло, что дома он машинально сунул в карман спички! Значит, можно развести костер, если и в самом деле придется ночевать в лесу. Пересидит как-нибудь до утра у костра, а потом пойдет дальше.

А если выберет неправильную дорогу? И еще одну ночь придется провести в лесу? Или даже не одну?.. Да он же просто-напросто погибнет от голода! В октябре уже ни грибов, ни ягод не найдешь. Сбить с кедра шишку не так-то легко. Это медведю под силу кедр покачнуть, а люди, чтобы сбить шишки, колотят по стволам особым огромным молотом, который так и называется – кóлот.

У него, понятное дело, колота нету, да и пышных вечнозеленых кедровых вершин что-то не видать среди разноцвет-

ной, уже изрядно поредевшей тайги. Елки там и сям торчат, а кедров нету...

Все-таки какую же из четырех сторон выбрать?!

И вдруг его осенило.

Мама! Мама привиделась ему во-он на той тропке!

Наверное, не зря. Наверное, именно туда ему и надо идти!

Ну что ж...

Никита на минуточку вернулся в избушку – просто на всякий случай, чтобы проверить, нет ли там какой-нибудь еды.

Заглянул в поросший пылью сундук, потом под лавку.

Ничегошеньки!

И что, эти похитители рассчитывали, что он будет здесь терпеливо помирать с голоду, поджидая чужака-спасителя?!

А может быть, этот чужак появится очень скоро? Никита даже проголодаться не успеет – а спаситель тут как тут?

Хотя, если честно, проголодаться Никита уже успел. Да еще как! Он ведь не завтракал, а сейчас время обеда. И подкрепиться, конечно, было бы очень кстати, прежде чем пускаться в путь.

Но подкрепляться нечем... Значит, надо потуже затянуть пояс.

И идти, идти...

Туда, где он видел маму. Живую?..

Улэкэн Зеленина, мама Никиты, погибла год назад. Она утонула, купаясь в Амуре, во время одной из своих этногра-

фических экспедиций в тайге Сихотэ-Алиня⁷. Улэкэн затаило в водоворот, да так быстро, что никто из ее спутников, которые загорали на берегу, не успел ее спасти.

Улэкэн искали много, много дней, но так и не нашли. Поэтому в гроб положили только вещи, которые остались на берегу: клетчатую ковбойку, джинсы, кроссовки...

Отец не позволил Никите присутствовать на маминых похоронах, и с собой на кладбище брал очень редко.

На самом деле Никита и сам не очень хотел туда ездить. Зачем?! Ведь мамы там все равно нет, ни живой, ни мертвой.

Но однажды ему приснилось, что он пришел на кладбище, отодвинул могильную плиту с надписью: «Моя любовь навеки с тобой, Улэкэн!» – и спустился вниз.

Никите не было страшно ни на кладбище, ни в могиле, однако стало очень страшно, когда он увидел, что гроб пуст.

Что это значило? Куда могла подеваться из гроба мамина одежда? Кто ее забрал?

Может быть, сама мама?..

Наутро Никита спросил отца, что значил этот сон.

Отец побледнел.

– Этот сон значил, что тебе это все приснилось, – сказал он угрюмо.

– Но кто забрал мамину одежду?! – закричал Никита.

– Это был только сон, – хрипло ответил отец. – Не мучай меня, слышишь? Я сам не знаю, как все это пережил. Только

---

⁷ Сихотэ-Алинь – горный массив на Дальнем Востоке.

начал привыкать, что ее больше нет с нами, а тут ты со своим сном... Не мучай меня!

С тех пор Никита никогда не заговаривал с отцом о маме. Старался его не мучить. Но про сон так и не забыл. И не переставал думать: кто же забрал мамины вещи из гроба?

Теперь стало ясно: сама мама и забрала свои вещи! Ведь когда она утонула, она была в одном купальнике. Потом ей стало холодно, и тогда она...

Никита схватился за голову.

О чем это он?! Что придумывает?! Ведь одежда из маминного гроба исчезла во сне! А призрак мамы он видел наяву!

Призрак – наяву?..

Никита помотал головой, чтобы в ней немножко просветлело, поднял медвежью лапу и положил ее на подоконник (заново прибивать к притолоке было и неохота, и нечем), вышел на крыльцо – да так и ахнул.

На берегу речки – правда, совсем не в той стороне, где он видел маму! – стоял какой-то человек и пристально смотрел на Никиту. Солнце светило ему в спину, так что ни лица, ни одежды не разглядеть, однако видно было, что он держит в руке длинную удочку, а рядом на траве лежит кукан с нанизанной на него рыбой.

Кукан, если кто не знает, – это проволока, веревка или вовсе ивовый прут. Кукан продевают под жабры пойманной рыбе, а потом эту связку опускают в воду, чтобы добыча до времени не уснула. Когда рыбалка закончена, некоторые так

и несут улов до дому на кукане: чтобы похвастаться перед прохожими.

Никита раньше очень любил ходить с отцом на рыбалку. Но потом, после маминой гибели, они забросили это дело. Однако кое-какие рыбацкие премудрости Никита, конечно, позабыть не успел. Например, что такое кукан.

А впрочем, какая, вообще говоря, разница, что это такое?! Главное, что спаситель появился так быстро!

Никита бросился к нему со всех ног, но почти сразу остановился.

Солнце по-прежнему било в глаза, он ничего толком не видел, но в нос вдруг ударил какой-то ужасный запах. Гнилой-прегнилой! Аж тошнота накатила!

Никита зажал рот и нос руками, пытаясь понять, что же это вдруг так несусветно завоняло, – и вдруг, случайно опустив глаза, увидел, что к нему ползут омерзительные белые червяки. Целая стая – или как они там называются, червяковые сообщества?!

А ползут они – откуда бы вы думали? Из этой самой рыбы, которая была нацеплена на кукан!

Никита пригляделся и понял, что было бы очень удивительно, если бы из нее не ползли червяки, потому что рыба оказалась совершенно тухлая, скользкая, гнилая. Да и кукан зеленоватой плесенью покрыт!

Никита заслонил глаза от солнца ладонью, испуганно взглянул на рыбака – да так и сел.

Ноги подкосились...

Еще бы! На него уставил свои вытекшие глазницы полуразложившийся труп, одетый в какие-то гнилые лохмотья! Из них один за другим выползали черви, которые целыми комками падали наземь и ползли к Никите.

Он вскочил и попятился, в ужасе переводя взгляд то на мертвеца, то на червей, которые все приближались и приближались.

Конечно, надо было бежать, бежать опрометью, но ноги совершенно не повиновались. Никита только и мог что неуверенно пятиться и слабо отмахиваться, словно надеясь прогнать этот зловонный ужас.

Но ничего не получалось.

Мало того! Полусгнивший рот вдруг разошелся в улыбке, из гнилой гортани вырвались какие-то звуки. А потом мертвец вскинул руку и, загремев костлявым желтым плечом, махнул удилищем, явно собираясь поймать Никиту, будто какого-нибудь карася!

Только чудом Никита успел отпрянуть от ржавого крючка, воистину каким-то чудом! Поскользнулся, упал, содрогнулся, испугавшись, что свалился на червяков и они сейчас поползут по нему, залезут в карманы, потом расползутся по телу, по лицу, скользнут в ноздри и в уши... и тогда на берегу этой речки окажется два трупа. Один уже изрядно протухший, омерзительно воняющий, а другой совершенно свежий.

Свежий – это будет труп Никиты Зеленина...

Его словно кипятком ошпарило!

На самом деле не кипятком, а ужасом, конечно.

Смертельным ужасом, вот уж правда что!

Никита вскочил и, не чуя ног, метнулся к дому. Влетел, захлопнул за собой дверь, начал лихорадочно искать на ней какую-нибудь задвижку, засов, замок... но на этой изъеденной временем, ненадежной двери ничего такого не оказалось!

Он подскочил к сундуку и с силой, которую прежде даже не подозревал в себе, сдвинул его с места и начал толкать к двери. Через полметра, однако, выдохся, а главное – смекнул, что дверь-то все равно наружу открывается, так что подставляй к ней сундук, не подставляй – вряд ли это помешает червям вползти в избушку и наброситься на Никиту. А за ними, конечно, явится их хозяин, их, можно сказать, прародитель – ведь червяки ползут из него! – и вскоре почерневшие зубы трупа вопьются в Никитино горло, а костлявые пальцы начнут разрывать на части его еще теплое тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.